

Сю Эжен

Вечный жид

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э28

Э28 **Эжен С.**
Вечный жид / Сю Эжен – М.: Книга по Требованию, 2023. – 96 с.

ISBN 978-5-519-76142-0

ISBN 978-5-519-76142-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

безсмысленный, то блиставшій какимъ-то дикимъ огнемъ, явно говорили, что развратная жизнь начинаетъ уже мало-по-малу разрушать его тѣло. Какая-то горькая и язвительная насмѣшка безпрестанно появлялась на его изсохшихъ губахъ. Отвыкнувъ отъ всякой работы, не имѣя силъ отстать отъ грубыхъ удовольствій, стараясь утопить въ винѣ и остальныхъ своихъ благородныя чувства, которыя возмущались противъ него, Жакъ дошелъ до того, что безъ стыда принималъ отъ Морока милостыню, состоявшую въ самыхъ грубыхъ и скотскихъ наслажденіяхъ. Между тѣмъ послѣдній представлялъ Жаку значительныя издержки, какихъ стоили оргіи, но никогда не давалъ ему денегъ для того, чтобъ всегда имѣть его у себя въ зависимости.

Жакъ, который въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ смотрѣлъ на Морока съ какимъ-то безсмысленнымъ видомъ, наконецъ сказалъ ему:

—А вѣдь у тебя славное ремесло! Ты можешь похвастать, что въ этотъ самый часъ нѣтъ и двухъ человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ, подобныхъ тебѣ,—а это лестно!... Жаль, что ты не ограничиваешься однимъ только этимъ ремесломъ.

—Что ты хочешь сказать?

—А этотъ союзъ, на счетъ котораго ты подчуешь меня и день и ночь?

—Погоди немного, не настала еще минута; потому-то, до самаго великаго дня, я хочу имѣть

тебя всегда подъ рукою. Ты жалуешься на это?

—О, нѣтъ, чертъ возьми! сказалъ Жакъ. Да что сталь-бы я дѣлать? Водка сожгла меня, какъ ты самъ видишь; я-бы охотно сталь работать, да у меня нѣтъ силы: у меня не такая мраморная голова, не такое желѣзное тѣло, какъ у тебя; но если можно быть пьянымъ и отъ пороха, также какъ отъ водки—это дѣло хорошее; я только на это и годенъ. Притомъ-же, это препятствуетъ мнѣ думать.

—О чемъ?

—Ты знаешь, если я думаю, то думаю только объ одномъ, сказалъ Жакъ мрачнымъ голосомъ.

—Объ Вакханкѣ? спросилъ презрительно Морокъ.

—Да, немного. Если-бы я совсѣмъ пересталъ объ ней думать, то непременно-бы умеръ, или сдѣлался-бы безсмысленнымъ звѣремъ. Ты демонъ!

—Ты никогда не былъ еще въ такомъ здоровомъ состояніи и никогда еще не показывалъ столько ума! отвѣчалъ Морокъ, привязывая тюрбанъ.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ.

Голіаасъ поспѣшно вошелъ въ ложу.

Гигантскій ростъ этого Геркулеса прибавился въ объемъ противъ прежняго; онъ былъ одѣтъ

Алкидомъ ; его огромные члены, прорѣзанные жилами, толщиною въ пизинецъ, напряжились.

—За чѣмъ ты ввалился сюда, точно буря какая? сказалъ ему Морокъ.

—Въ залѣ другая буря: они начинаютъ кричать точно безумные; но это-бы еще ничего....

—Чтожъ еще такое?

—*Смерть* не можетъ играть нынче вечеромъ.

Морокъ быстро оборотился. На лицѣ его выразилось безпокойство.

—Почему-же такъ? вскричалъ онъ.

—Я только сей-часъ ее видѣлъ; она лежитъ въ глубинѣ кѣтки; уши ее такъ прилегли къ головѣ, какъ будто-бъ ихъ совсѣмъ отрѣзали. Вы знаете, что это значитъ?

—Такъ въ этомъ-то все и дѣло? сказалъ Морокъ, повернувшись къ зеркалу, чтобъ окончить свой головной уборъ.

—И этого довольно, потому-что Смерть въ припадкѣ бѣшенства. Послѣ той самой ночи, когда она съѣла эту бѣлую лошадь, въ Германіи, я никогда не видывалъ ее такой свирѣпою; глаза у нея свѣтятся какъ двѣ свѣчки.

—Ну такъ надѣнь на нее ошейникъ, сказалъ хлоднокровно Морокъ.

—Ошейники!...

—Да, ошейникъ съ пружинами.

—И я долженъ вамъ помогать, какъ горничная? сказала великанъ. Вотъ прекрасный туалетъ!

—Замолчи!

—Но это еще не все, отвѣчалъ Голіаѳъ съ видомъ замѣшательства.

—Что еще?

—Лучше ужъ сказать за одинъ разъ.

—Да стапешь-ли ты говорить?

—Ну такъ вотъ что: онъ здѣсь....

—Кто?

—Англичанинъ!

Морокъ вздрогнулъ, руки у него опустились.

—Англичанинъ! ты видѣлъ его? вскричалъ Морокъ, обратясь къ Голіаѳу. Ты точно увѣренъ въ этомъ?

—Какъ нельзя больше. Я смотрѣлъ въ дырочку занавѣски, и увидалъ его въ небольшой ложѣ, почти надъ театромъ. Онъ вѣрно хочетъ посмотреть на наше представленіе вблизи. Его легко узнать по узкому его лбу большому носу и круглымъ глазамъ.

Морокъ снова вздрогнулъ.

Этотъ человѣкъ, обыкновенно отличавшійся свирѣпымъ безстрастіемъ, болѣе и болѣе приходилъ въ смущеніе и въ испугъ, такъ-что Жакъ спросилъ его наконецъ:

—Но что-жь это за Англичанинъ?

—Онъ слѣдовалъ за мною изъ Стразбурга, гдѣ мы съ нимъ встрѣтились, отвѣчалъ Морокъ, будучи не къ сѣдѣхъ скрыть своего смущенія. Онъ путешествовалъ на своихъ лошадяхъ, также какъ и я, останавливался тамъ, гдѣ я, чтобъ не пропустить ни одного изъ моихъ представленій. Но за два дня до пріѣзда моего въ Парижъ онъ исчезъ, и я думалъ, что уже совсѣмъ освободился отъ него! прибавилъ со вздохомъ Морокъ.

—Освободился, говоришь ты! сказалъ удивленный Жакъ; но что-жь тебѣ за польза отдаляться отъ такого человѣка, который удивляется твоимъ талантамъ?

—Да, сказалъ Морокъ мрачнымъ голосомъ, этотъ мерзавецъ побился на огромную сумму, что въ одно изъ моихъ представленій я буду разтерзанъ при его глазахъ. Онъ надѣется выиграть пари, и по этому не оставляетъ меня ни на минуту.

Идея Англичанина показалась Голяку столь странною и забавною, что онъ въ первый разъ, послѣ долгаго времени, покотился со смѣху.

Морокъ поблѣднѣлъ отъ ярости, и бросился на Жака съ такимъ угрожающимъ видомъ, что Голякъ принужденъ былъ стать между ними.

—Ну, ну, перестань сердиться! сказалъ Жакъ. Я вижу, тутъ дѣло очень серьезное, и не стану смѣяться.

Морокъ успокоился и спросилъ Голяка глухимъ голосомъ:

—Неужели ты считаешь меня трусомъ?

—Вотъ еще новости!... Ни мало!

—А между тѣмъ этотъ Англичанинъ съ грубымъ лицомъ страшнѣе для меня тигра или пантера.

—Вѣрю, отвѣчалъ Жакъ; но не понимаю, почему присутствіе этого челоуѣка такъ пугаетъ тебя.

—Подумай хорошенько, болванъ! вскричалъ Морокъ, въ то самое время, когда я долженъ слѣдить за малѣйшими движеніями дикаго звѣря, мнѣ какъ-то страшно думать, что на меня устремлены два неподвижные глаза, что они жаждутъ моей гибели и ждутъ той минуты, въ которую, при малѣйшемъ съ моей стороны развлеченіи, я предамъ мое тѣло на жертву свирѣпымъ животнымъ.

—Теперь, я понимаю, отвѣчалъ Жакъ, вздрогнувъ въ свою очередь. Въ самомъ дѣлѣ, это страшно!

—Да.... какъ я ни стараюсь не замѣчать этого, по всегда вижу передъ собою эти два огромные, круглые неподвижные глаза. Однакожь, тигръ мой, Кайнъ, чуть не отгрызъ мнѣ руку, въ то самое время, когда смотрѣлъ на меня этотъ проклятый Англичанинъ, котораго самъ адъ послалъ ко мнѣ! О! вскричалъ Морокъ, этотъ человѣкъ будетъ причиною моей гибели!

Въ сильномъ волненіи, Морокъ началъ ходить взадъ и впередъ по уборной.

—Не считая того, что уши у Смерти нынѣшнимъ вечеромъ, прильнули къ ея черепу, грубо возразилъ Голяфъ, если ты упорствуешь, то я скажу тебѣ, что Англичанинъ выиграетъ нынче свое пари.

—Пошелъ вонъ, скотина! Не бѣси меня твоими страшными предсказаніями! вскричалъ Морокъ. Ступай, приготовь ошейникъ для Смерти.

—Впрочемъ, у всякаго свой вкусъ. Ты хочешь, чтобъ пантеръ тобою полакомился, въ добрый часъ, сказалъ великанъ, выходя послѣ этой грубой шутки тяжелыми шагами изъ комнаты.

—Но если ты такъ боишься, сказалъ Голякъ, почему не сказать тебѣ, что пантеръ боленъ?

Морокъ пожалъ плечами и отвѣчалъ въ какомъ-то свирѣномъ изступленіи:

—Слыхалъ-ли ты когда пибудь объ удовольствіи игрока, который жизнь и честь свою ставить на послѣднюю карту? Точно то-же и я, въ этихъ ежедневныхъ представленіяхъ, рискуя ежеминутно моею жизнію, нахожу какое-то дикое, свирѣное наслажденіе бороться со смертію въ глазахъ трепещущей толпы, испуганной моею дерзостью. Наконецъ самый страхъ, внушаемый мнѣ этимъ Англичанпномъ, невольно возбуждаетъ во мнѣ странное, непонятное для меня желаніе, которое ненавижу и которому покоряюсь.

Укротитель животныхъ прерванъ былъ вошедшимъ въ уборную режиссеромъ.

—Не пора-ли сдѣлать три удара, г-нъ Морокъ? сказалъ онъ ему. Увертюра минутъ черезъ десять кончится.

—Ударяйте, отвѣчалъ Морокъ.

—Г. Полицейскій снова осмотрѣлъ цѣпь, назначенную для пантера, и столбъ, утвержденный въ глубинѣ пещеры, на первомъ планѣ, прибавилъ режиссеръ. Онъ нацѣль все въ надлежащемъ видѣ. Опасности никакой быть не можетъ.

—Да, кромѣ только той, которая угрожаетъ мнѣ, сказалъ про себя укротитель животныхъ.

—И такъ, г-нъ Морокъ, можно начинать?

—Можно, отвѣчалъ Морокъ.

Режиссеръ вышелъ.

ГЛАВА II.

ПОДНЯТІЕ ЗАНАВѢСА.

Позади занавѣса торжественно раздался три обычныхъ удара; увертюра началась, но признаться сказать, ее мало слушали.

Во внутренности зала представляла самый оживленный видъ. За исключеніемъ двухъ переднихъ мѣстъ, изъ коихъ одно находилось по правую, другое по лѣвую сторону зрителя, всѣ прочія были заняты.

Ложы заняты были множествомъ женщинъ, роскошно одѣтыхъ и привлеченныхъ дикою странностію зрѣлища. Въ креслахъ толпилась большая часть тѣхъ самыхъ молодыхъ людей,

которые прогуливались верхомъ въ Елисейскихъ поляхъ.

Нѣсколько словъ, которыми перекидывались они между собою, дадутъ понятіе объ ихъ разговорѣ.

—Знаете-ли, что нельзя выбрать болѣе лучшаго общества и болѣе приличной залы для представленія Аталы?

—Конечно. Что значать завыванія бѣднаго комедіанта передъ ревомъ льва?

—Не понимаю, какимъ образомъ позволяютъ этому Мороку привязывать своего пантера въ углу сцены, на желѣзную цѣпь? Ну, если цѣпь оборвется!...

—Кстати, объ оборванной цѣпи. Вотъ, на примѣръ, хорошенькая мадамъ де-Бленвиль, которая, впрочемъ, не похожа на самку тигра. Видите-ли, вонъ она сидитъ во второмъ ряду?

—Ей очень къ лицу разорвать супружескую цѣпь, какъ говорите вы. Она слишкомъ хороша нынѣшнимъ годомъ.

—А! вотъ и прекрасная герцогиня Сень-При. Все что ни есть блестящаго въ Парижѣ, собралось сюда нынѣшнимъ вечеромъ.... Конечно, я не про насъ это говорю.

—Это настоящая зала Итальянскаго театра. Какой веселый, праздничный видъ!